

РЕЦЕНЗИИ / REVIEW

Рецензия

УДК 94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.22>

С. И. Лучицкая.
**РЫЦАРИ, КРЕСТОНОСЦЫ И САРАЦИНЫ.
ЗАПАД И ВОСТОК В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ.**
СПб.: Евразия, 2021. 480 с.

Сергей Леонидович Дударев¹

¹ Армавирский государственный педагогический университет (д. 159, ул. Розы Люксембург, 352901, Армавир, Российская Федерация) Доктор исторических наук, профессор. ORCID: 0009-0008-4077-3514. E-mail: dudarev51@mail.ru

Для цитирования: Дударев С. Л. С. И. Лучицкая. Рыцари, крестоносцы и сарацины. Запад и Восток в эпоху крестовых походов. СПб.: Евразия, 2021. 480 с. // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (2). С. 343–350. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.22.

Review

S. Luchitskaya.
**KNIGHTS, CRUSADERS AND SARACENS.
WEST AND EAST IN THE AGE OF THE CRUSADES.**
St. Petersburg: Eurasia, 2021. 480 p.

Sergey L. Dudarev¹

¹ Armavir State Pedagogical University (159, Roza Luxembourg St., 352901, Armavir, Russian Federation) Dr. Sci. (History), Professor. ORCID: 0009-0008-4077-3514. E-mail: dudarev51@mail.ru

For citation: Dudarev S. S. Luchitskaya. Knights, Crusaders and Saracens. West and East in the Age of the Crusades. St. Petersburg: Eurasia, 2021. 480 p. // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 343–350 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.22.

Проблема взаимоотношений Запада и Востока является одной из самых востребованных в мировой исторической науке. Очень ярким её сегментом является период средневековой истории, и, конечно же, эпоха крестовых походов. Известный российский историк-медиевист, С. И. Лучицкая – автор целого ряда работ, посвященных указанной проблеме в контексте данной эпохи. Ее новая, причем, фундаментальная, книга, обращена к такому интересному ракурсу взаимодействия Запада и Востока, как повседневная история.

Во Введении автор представляет главные направления, которым будут посвящены главы ее исследования, сразу же нацеливая читателя на то, что главный тренд работы – культурно-исторические итоги крестовых походов, а также вопрос о том, как и насколько повлияли контакты с Вос-

током, шедшие в русле крестоносного движения, на мировосприятие средневековых европейцев. Не пересказывая содержания презентуемых исследований глав, обратимся сразу к их содержанию.

Глава I «Рыцарство и рыцарские представления» посвящена популярному феномену, который вот уже не первое столетие занимает воображение не только ученых-историков, но и литераторов, философов, художников и др. Данная глава, как и все последующие, состоит из отдельных разделов, вполне самостоятельных по своему содержанию, но связанных общей идейной канвой. «Системообразующим» является, по определению, раздел, называющийся «*Рыцарство – уникальный феномен западноевропейского средневековья*». Этой теме адресованы многие

сотни работ исследователей. Историк, обладающий большой эрудицией в данном вопросе, прав, говоря о неоднозначности и сложности понятия «рыцарство». Кардинальная мысль данной части книги заключается в том, что в формирование указанного понятия каждая последующая эпоха после рыцарства вносила свой вклад в его описание, так что сегодня крайне трудно отделить те черты явления, которые возникли во времена рыцарей, от сформированных сознанием людей последующих эпох. Суждение автора о том, что рыцарство не остается, в этой связи, равным самому себе на протяжении веков, является грандиозной мистификацией, в которой ядро трудно отделить от позднейших напластований, оригинально само по себе, и заслуживает внимания. При всем том, те или иные черты рыцарства, реальные, или приписываемые ему в более поздние времена, создавали из него, так или иначе, некий весьма значимый историко-культурный и социоисторический бренд, который указывает на то, что идея рыцарства, несмотря на перипетии времени, продолжает оставаться актуальной, более того, непреходящей. И содержание главы помогает понять, почему именно.

Идея по «ступеням» проблемы рыцарства, автор касается целого ряда аспектов, которые уже стали классикой «рыцареведения». Начнем с того, что, как отмечает С. И. Лучицкая, существует подход, оперирующий чисто внешними критериями принадлежности к рыцарству (меч, конь, тяжелое вооружение), что приравнивает рыцарство к тяжелой кавалерии. И, разумеется, эту точку принять невозможно, так как в этом случае, как нам представляется, пришлось бы признать рыцарями парфянских и сарматских катафрактариев. Однако при поиске «фоновых» евразийских истоков рыцарства, назвать последних здесь стоило бы. Исследователь, тем не менее, справедливо относит первый виток подъема рыцарства к VIII в., указывая на такие предпосылки, как бенефициальная реформа К. Мартелла, раздачу бенефициев, послуживших материальной основой для приобретения тяжелого вооружения (напомним, равного, по капитулярию 805 г., стоимости 12 поместий-мансов), и ставших основанием для вассальной службы его пользователей, *milites*. Ученый, безусловно прав в том, что «феодалная революция» повысила их роль и приблизила к власти, т.е., скажем так, повела по пути феодальной «социализации». Автор последовательно демонстрирует то, как рыцарство, как ни парадоксально, с конца XI в. не связано с таким критерием, как вооруженная конница, но акцентирует то, что рыцари – это те, кто будучи связан специальным обрядом вассальной присяги, несет соответствующую службу сеньору и ждет земельных пожалований, а еще через столетие *miles* – это аристократ, обладающий известными

привилегиями, более того, он уже представитель сословия, единого в социальном и юридическом плане, обладающий определенными привилегиями, идеологией, этикой и т.п. Исследователь прослеживает то, что в разные периоды и в разных регионах в понятие «рыцарство» вкладывались разные смыслы. И оказаться в рядах рыцарей было возможно по-разному. Возник, по сути, аристократический путь в рыцари (скажем, во Франции), предполагавший знатное происхождение и приведший к «замыканию» этого сословия (что, между прочим, сродни процессам, шедшим в среде цеховых мастеров). Он, по С. И. Лучицкой, позволял не тратить деньги на доступ в рыцари. Однако, были и другие способы обрести рыцарское звание. В Англии с XIII в. правительство вменяло людям с доходом сначала в £20, а затем в £40 принимать рыцарское звание. Таким образом, условно говоря, были французский и английский «пути в рыцарство», связанные со спецификой развития этих стран, которая хорошо проявилась в раннее новое время.

Благодатная и популярная тема в рамках проблемы рыцарства – это рыцарский этос. Принципиально важной гранью этоса рыцарей была честь, причем, функционировавшая, по автору, как родовое понятие, не существующее вне рода. Но и оно не было статичным, как и сам институт рыцарства в целом. Рыцарская честь стала «притчей во языцех», но в начале XII в., в обстановке всеобщих войн и грабежей, некий трубадур изрек: «Честь (дворянина) в том, чтобы красть и грабить» [1, с. 10]. А другой представитель этого ремесла, имя которого хорошо известно истории, Бертран де Борн, изрек свое одиозное: «Любо видеть мне народ/ Голодающим, раздетым, / Страждущим, необогретым! /Пусть мне милая солжет, / Ежели солгал я в этом» (1195). Честь, таким образом, имела не только родовую, но и классовый характер (да еще соединенный с куртуазией). С понятием чести неизменно коррелируют понятия верности, свободы, достоинства, личной неприкосновенности. Все они, по С. И. Лучицкой, отстаиваются рыцарями в *shansons de geste*. Эта сторона рыцарского менталитета чрезвычайно важна для осознания наследия рыцарей в «пострыцарскую» эпоху (см. ниже).

Не останавливаясь далее подробно на теме этоса, что заняло бы слишком много места, мы, безусловно, согласимся с ученым в том, что и рыцарская этика в целом, и знаменитый куртуазный идеал испытали на себе большое влияние христианской церкви. Без этого, прекрасное рыцарство рисковало остаться в истории заурядным бандформированием.

Чрезвычайно интересна попытка автора бросить взгляд на такую грань темы, как «рыцарство после рыцарства». Думаем, что он совершенно прав, говоря о том, что рыцарская культура от-

части стала тем «строительным материалом», на базе которого формировалась новоевропейская личность, тем более что достижения этой культуры еще в средние века подверглись своего рода «отчуждению» от породившей ее среды и стали достижением, например, тех же самых горожан во Франции, и, особенно, Италии (жостры и др.). Однако такой аспект, как рыцарство в России, лишь намеченный исследователем (что, в принципе, можно понять), тем не менее, мог бы включать и такие важные как стороны, как «Павел I и Мальтийский Орден», «Декабристы и рыцарство», суждения Н. Бердяева о рыцарстве и русской истории, и др., не говоря уже о том, что исторические причины отсутствия рыцарства на Руси, как такового, уже обсуждались не только зарубежными (Х. Хеккер, 1985), но и отечественными медиевистами страны в начале 2000-х гг. (конференция 2002 г. «Рыцарство: реальность и воображаемое», материалы которой были изданы в альманахе «Одиссей» в 2004 г., и где присутствует статья и нашего автора) [4, с. 5–169].

Продолжая рыцарскую тематику С. И. Лучицкая в разделе «Предательство и измена в *shansons de geste* XII–XIII вв.» обращается к очень важным императивам из репертуара этики этого сословия. Ученый справедливо подчеркивает, что в системе ценностей средневекового общества понятие верности являлось, по сути, центральным для него. Для раскрытия значения оппозиции «верность – предательство» автор использует произведение французского героического эпоса¹, как наиболее репрезентативные в системе координат рыцарской культуры.

Предательство, как указывает специалист – это, прежде всего правовая категория, поскольку сеньор и вассал были связаны целой сетью взаимных обязательств, нарушить которые и означало совершить этот неблагоприятный акт, хотя данная тема на самом деле была шире, охватывая, разумеется, и различные виды человеческих взаимоотношений. Однако самым серьезным видом предательства было вероотступничество, что указывает на социокультурную специфику общества, где религия играет роль главного камертона отношений в социуме. Не случайно, что в рассматриваемых автором литературных памятниках самым тяжким грехом на стезе предательства является сотрудничество с сарацинами, которые сами по своей природе вероломны (*perfidii*). Те, кто переходят на их сторону, уподобляются им же. Так «жесты» отражают обстановку конфессионального противостояния и религиозной нетерпимости, неприятия мира Другого и его ценностей, которые представляются ложными. Пожалуй, самое главное, на что покушаются предатели – это система вассальных отношений, преданность вассалов главному сюзеру – ко-

ролю, в которую они стремятся «вбить клин», настраивая нижестоящих против первого лица. Причиной их действий является захват власти или месть. Характерно, что сами короли, при всем том, выглядят нередко легковверными фигурами, которыми можно манипулировать, что, как справедливо отмечает автор, указывает на слабость центральной власти, когда император, признавая свою неправоту, может и зарыдать. Фактически, единственным залогом его относительно прочного положения является все та же верность вассалов, особенно пэров. Один из самых верных способов защитить себя от предателей – судебный поединок. Они, по мнению С. И. Лучицкой, случались в «жестах» и в весьма странном виде, когда, поруганную честь королевы защищает собака («жеста» «Макэр»). Но ничего странного в этом для нас не будет тогда, когда мы вспомним, что в средневековом обществе собака, отношение к которой в античности было отрицательным, была реабилитирована, поскольку, по определению, была носителем самой главной феодальной доблести – верности. Ж. Ле Гофф приводит свидетельство того, что в средневековой Франции (XIII в.) в одной из местностей существовал культ Св. Гинефора, который, на поверку, оказался собакой! Мало того, этот культ просуществовал до 70-х гг. XIX в., что было для данного известного западного медиевиста одним из ряда оснований говорить об «очень долгом средневековье».

«Жесты» предоставляют нам целый репертуар действий предателя, в некотором роде кодифицированных («жеста» «Гейдон»), при осуществлении которых отступники применяют самые низменные средства (отрава и пр.). Весьма показательно, что предатели действуют с помощью подкупа и сами падки на него. Ученый отмечает, что предатели изображаются самыми настоящими финансовыми дельцами. Согласимся с С. И. Лучицкой в том, что отрицательная оценка в «жестах» подобной «экономической деятельности» – это своеобразная косвенная реакция на развитие товарно-денежных отношений в то время. Ренегаты не только жадны до денег, они прибегают к травести и подлогу, предают родственников и т.п. Репертуар их предательских действий наводит на мысль, что в лице этих отверженных сочинители «жестов» не только отстаивали постулаты рыцарской морали, но и в целом, морали общества, еще весьма патриархального по своему характеру, осуждавшего через «жесты» не только феодальную и шире – общечеловеческую неверность, но и «новации» иного свойства – страсть к обогащению, ростки «нетрадиционных» отношений и т. п.

В разделе «Ассиза верности: король и его вассалы в зеркале иерусалимского права» автор рассматривает интересный правовой конфликт, произошедший в Иерусалимском королевстве

1 Для простоты будем называть их ниже просто «жесты».

в XIII в. Среди законов Иерусалимского королевства (т.н. ассиз) была и т.н. Ассиза верности (примерно, середина XII в.), согласно которой, каждый рыцарь королевства, от барона до самого мелкого вассала, становился прямым вассалом короля, принося ему присягу (нечто подобное уже ранее произошло в 1086 г. в Англии, по т. н. Солсберийской присяге). Интрига вокруг данного документа заключается в том, что эта ассиза, судя по юридическим трактатам, написанным не позднее середины XIII в., использовалась не только для защиты интересов королевской власти, но и против нее. Ассиза была средством защиты от произвола сеньора и давала средства для сопротивления ему. Автор приводит примеры такого сопротивления, обращаясь к конкретным судебным коллизиям, когда применение «Ассизы верности» оказалось успешным для некоторых сеньоров в их споре с королем (Жан Ибелин, Алиса Армянская). Однако эти прецеденты оказались отнюдь не универсальным средством для оспаривания прав короны. С. И. Лучицкая показывает конфликт Балиана Сидонского, Жана Ибелина и императора Фридриха II Штауфена, который отстаивал свои прерогативы, опираясь на новое соотношение сил. Исследователь продемонстрировал, что несмотря на попытки своеобразной «фронды» сеньоров Утремера, выразившейся в создании, по сути, «оперетточной» коммуны Акры, отстоять свои права с опорой на указанную ассизу, баронам Заморья не удалось. «Ассиза верности» срабатывала только со слабым королем, зависевшим от баронской службы. Фридрих II, опиравшийся в тот момент на сильную наемную армию, в услугах местной знати не нуждался, и их попытка «фрондировать» провалилась. Исследованная С. И. Лучицкой ситуация наглядно показала то, что уже было известно ранее: феодальные отношения в Иерусалимском королевстве были «классикой», которая не существовала уже в самой Европе. Но, хотя Фридрих II Штауфен, предвосхищавший монархов нового времени, победил в том конфликте, пора таких правителей еще не пришла. После его смерти королевство билось в конвульсиях междоусобиц, пока окончательно не рухнуло под ударами джихада.

Глава II «Кто такие крестоносцы» начинается с раздела «Брак, семья и повседневная жизнь крестоносцев». Эти стороны жизни «воинов Христа» в Святой земле неоднократно служили предметом исследования специалистов. С. И. Лучицкая в большей мере уделила внимание гендерным отношениям в крестоносной среде, моральным нормам поведения крестоносцев и их жен и т. п. Настоящий очерк представляется достаточно содержательным, особенно в части межэтнических контактов крестоносцев с местным населением. В то же время, в историографии такие исследования уже известны (Р. Перну, С. Морисон, и др.)

и в ряде аспектов выглядят более емкими и разноплановыми. Что же касается взаимоотношений крестоносцев с мусульманами, то невозможно не назвать превосходную капитальную работу К. Хилленбранд [5], которой, почему-то, нет в списке литературы к книге С.И. Лучицкой. Зато безусловный интерес представляет раздел «Беденьские рыцари Святого Лазаря»: из истории повседневной жизни прокаженных в Иерусалимском королевстве». Специалист делает заслуживающий внимания вывод об исключительном в чем-то статусе прокаженных в Иерусалимском королевстве. Известную роль в этом отношении сыграло то, что прокажкой страдал король Бодуэн IV. По Гийому Тирскому, болезнь описывается как милость Божья и испытание, посланное свыше. Любопытно, что в Западной Европе были эпизоды, в которых ухаживание за прокаженными фактически представало как проявление королевского милосердия и смирения (Людовик IX) [2, с. 183–184].

Раздел «Ad succurrendum. Как умирали иерусалимские короли» отражает одну из самых важных ментальных структур средневекового общества – отношение к смерти, которое, как не без оснований пишет автор, в Иерусалимском королевстве было особенно острым в силу необычных условий. Исследователь предложил описание смертей лидеров этого государственного образования, которое было латинским государством на Востоке, и следовательно, и жизненный путь, но особенно, уход из жизни должны были служить моделью, образцом истинно христианского поведения перед лицом смерти. Для анализа событий автор привлек миниатюры с изображением кончин иерусалимских королей из «Хроники Гийома Тирского» и других средневековых источников, подвергнутые им тщательному исследованию. Особенности мизансцен, те или иные детали, их символизм, иконография – все это дает, в итоге, благодаря кропотливой работе ученого, полноценную картину свершавшегося действия, его обстановки и атмосферы, по своему доносящую до нас колорит той эпохи. В то же время, представленные на миниатюрах мизансцены в чем-то стереотипны, поскольку отображают строго регламентированный христианский обряд. Один же из самых главных выводов раздела заключается в том, что смерть короля в этом государстве (впрочем, как и в любом другом) рассматривается с точки политических последствий, как могущая нарушить политическое и социальное равновесие (=стабильность).

III глава книги названа «Пространство крестовых походов». В разделе «Путешествие в Святую землю в XII – XIII вв.» автор довольно бегло рассматривает особенности перемещений паломников на Ближний Восток, их пути, способы движения, перипетии странствований, особенности тех географических сред (особенно, гор и морей), по

которым происходило путешествие, и, конечно же, специфику восприятия участниками крестоносной эпопеи посещаемых местностей, стран и их населения с точки зрения средневекового менталитета. Наиболее ярко эту сторону походов С. И. Лучицкая рассматривает в следующем разделе, поэтому не станем здесь долго останавливаться на данных подробностях. В целом, к условиям путешествий крестоносцев к Гробу Господню историки не раз обращались прежде, и автор не внес в этом смысле принципиально новых соображений на сей счет. Зато следующий раздел «*Балканы в изображении хронистов крестовых походов*» вызывает большое внимание уже потому, что ранее отечественные историки не рассматривали балканский путь на Восток столь детально и заинтересованно. Но дело не только, да и не столько в этом. Одно дело – это описания западными хронистами восточных стран и взаимоотношений с миром ислама, полные предубеждений и стереотипов (см. ниже), другое дело – контакты с регионом, христианским по определению, описания которого должны выглядеть более благожелательно. И вот тут-то исследователем и выясняется, что здесь не так все просто.

Правда, С. И. Лучицкая, приступая к анализу восприятия балканского региона крестоносцами, озадачивает заинтересованного читателя тем, что аттестует хронике Альберта Ахенского, как лучший источник по теме. Между тем, в 2001 г. она же написала буквально следующее: «По мнению многих исследователей, хроника Альберта Ахенского – самое фантастичное из сочинений о крестовых походах». Впрочем, ученый совершенно тут же верно пишет о том, что фантастические сведения также важны для нас, как источник представлений хрониста об иноверцах [3, с. 32]. Но как именно следует понимать те или иные «неверные» сведения Альберта о Балканах, мы в тексте рецензируемой книги далее не видим.

Как бы то ни было, но если суммировать впечатления хронистов о Балканах, изложенные в хрониках I – III крестовых походов (а именно они рассматриваются специалистом), то получится следующая картина. Если описания Венгрии, наряду с отрицательными характеристиками венгров, содержат и положительные сведения, например о «христианнейшем короле венгров» Кальмане Книжнике или богатых дарах пилигримам другого короля – Гёзы II, то характеристики Болгарии, Далмации, Сербии выглядят совсем иными. Их жители названы «варварскими нациями», грубыми, дикими, вероломными, не знающими дисциплины, варварами, которые, при случае, убивают и грабят крестоносцев, не желают торговать с ними и со всем скарбом убегают в горы (совсем, как русские крестьяне в момент прихода «Великой армии» в 1812 г.). При этом хронисты, по С. И. Лучицкой, используют топо-

сы, известные еще по античной традиции, связанные с изображением варваров (антикизация действительности, прослеженная ранее ученым у западных авторов при описании ближневосточных политических и иных реалий). Западные писатели рассматривают движение своих войск по Балканам через призму цивилизаторской миссии крестоносцев¹. Тем не менее, балканские земли включены ими в византийское политическое и культурно-историческое пространство.

Глава IV «*Сарацины: ислам глазами средневековых христиан*» посвящена теме, несмотря на отдаленность от наших дней многими столетиями, чрезвычайно актуальной и даже злободневной. Она продолжает тему, глубоко затронутую автором в одной из его предыдущих обобщающих исследований.

В разделе «*Магомет, Сатана и «сарацинская ересь»: взгляд из Ключи*» автором рассматривается история создания корпуса текстов (антологии) об исламе, переведенных с арабского на латынь, называемого ныне «*Ключийским (или Исламо-христианским) корпусом*», созданного аббатом Ключи Петром Достопочтенным в XII в. Данный корпус послужил этому церковному деятелю основой для создания нескольких произведений («Сумма всей ереси и дьявольский секты сарацин», «Против секты сарацин», «Краткая сумма»), в которых автор последовательно подвергал разоблачению учение ислама, миссию пророка этой религии Мухаммада и его личность, как таковую. Примечательно, что если первоначально П. Достопочтенный был намерен вести с мусульманами мирный диалог с целью предложения им перехода в христианство, то постепенно аббат брал все более жесткий тон. «Сарацинский закон» был объявлен придумкой Сатаны, последователи Мухаммада – сектой, а их учение – ересью, величайшим заблуждением и т. п., всемирного характера. Лейтмотивом обоих произведений являлось, как полагает автор, по сути, не обращение мусульман в христианство, а разоблачение их религии. В то же время, заслугу Петра Достопочтенного С. И. Лучицкая видит в том, что он первым сменил меч на крест в общении с миром ислама, и обратился к «сарацинам» с призывом принять «истинную веру». Но не будем забывать, что это обращение было, в целом, декларативным, ведь никто не перевел труды аббата на арабский. Призывы его были обращены,

¹ Впрочем, во время III крестового похода сербы, прямо скажем, опровергли эти примитивные представления о себе. Они, отвоевав у Византии часть земель, предложили императору Фридриху Барбароссе стать его вассалами, принеся оммаж за отвоеванные земли, и заключить союз против ромеев. Очень неплохой политический план, учитывая относительную удаленность той Германии от Сербии XIII в., с одной стороны, и политический авторитет, а также амбиции Германской империи, оспаривавшей имперские права у Византии, с другой.

по сути, к тонкой прослойке высокообразованных христиан, которые могли, в случае успеха выступления Петра Достопочтенного, стать более «толерантными» к представителям ислама, или тех (по-видимому, немногочисленных) мусульманских интеллектуалов, которые владели латынью. Широкие же слои мусульман оставались в неведении о призывах Петра.

Показательно и произведение, анализируемое автором в разделе «Жизнь Магомета» Эмбрико Майнцского: легенда и история», которое является поэмой, являющейся первым подробным жизнеописанием Мухаммада на латыни, созданным, как подчеркивает специалист, за пределами Византии и Испании, где, как известно, творили самые осведомленные в теме, но и наиболее непримиримо настроенные по отношению к исламу и его пророку христианские писатели. Историк, проделав разносторонний анализ, показал, что Эмбрико, опираясь в некоторых случаях, на достоверные факты (например, женитьба главного героя на богатой вдове Хадидже, и т.д.), действуя в русле ряда культурных традиций того времени, создал «грандиозную мистификацию» из биографии Мухаммада, само имя которого также искажается. Это т.н. жизнеописание, является, практически, перевёрнутым изображением христианского святого (ставшего матрицей для трудов Эмбрико), только со знаком минус, созданием образом антисвятого, ересиарха, его профанацией. Главная цель всех этих усилий – изображение еретиков, опровержение их претензий на святость и истинную веру. Не станем подробно разбирать все ухищрения Эмбрико, тем более что это уже убедительно сделано С. И. Лучицкой. Обратим внимание только на одну сторону данной католической дискредитации образа пророка ислама: отсутствие истинных чудес. Миру христианства, который еще слабо знал особенности исламской религии, было неизвестно, что чудо, явленное Мухаммадом – это Коран. В самой же священной книге мусульман, и это было еще неведомое европейским критикам, умением творить чудеса наделялся Иса, сын Марьям, т.н. Иисус Христос (!) (К.:2:81:87; 3:43:48). Если бы пророк ислама занимался манипуляциями в духе сочинения Эмбрико и др., ему ничего не стоило бы приписать подобные вещи себе. Но этого, разумеется, не было. Итак, творения далеких предшественников «Шарли Эбдо», повиновавшиеся, что вполне естественно, средневековой религиозно-полемической логике, преследовали цель, как подчеркивает С. И. Лучицкая, «деконструкции» образа святого.

В то же время, сюжеты, рассматриваемые С. И. Лучицкой, отражают не только идейное противостояние христиан и мусульман. В разделе «Мусульманско-христианские контакты в XII–XIII вв.: совместное почитание сакральных об-

разов» приводятся интересные примеры того, как представители обеих конфессий имели общие культовые объекты. В первом случае, речь идет о паломническом центре в Матарийе, где имелся источник, рядом с которым росли бальзамовые деревья, связанный с пребыванием у него Девы Марии с младенцем Иисусом. Этот объект посещался не только христианами, но и, как будто, мусульманами также. Автор делает резонное предположение, что западноевропейские паломники могли принять за представителей ислама арабоязычных христиан. Вместе с тем, не будем забывать, что на мусульманском Востоке, в Египте, во время празднования Крещения (он именовался «праздник погружения» (*'ud al-gu-tas*) к Нилу приходили не только христиане, но и мусульмане. Ал-Мас'уди сообщал, что ночь погружения – это великое дело для жителей Мисра (т.е. Египта - араб.), которые в эту ночь не ложатся спать [6, с. 385]. Поэтому участие мусульман в омовениях в Матарийе полностью исключать не следует. Еще один священный пункт межконфессионального почитания христиан и мусульман – это источающий чудесное масло образ Богородицы в местечке Саиднайя близ Дамаска. Историк отмечает, что по мнению средневековых писателей, благочестивое отношение мусульман к христианским образам было свидетельством их частичного обращения. Но дело не только в этом. Фиксация этими писателями почитания мусульманами образа Девы Марии использовалась в русле христиано-мусульманской полемики: мусульмане обвиняли христиан в идолопоклонстве (иконы и статуи в церквях и т. д.). Раз уж носители ислама чтут образ Девы, то никакого поклонения идолам тут нет. Но в связи с отмеченным почитанием Девы не будем забывать и о том, что в Коране Марьям – мать Мессии, пророка Исы, названа праведницей (К.: 5:76:72; 5:79-75). Стоит напомнить и предание о том, что когда воина пророка после того, как вошли в Мекку (630 г.), ворвались в Каабу, и один из них хотел стереть изображение Девы с младенцем Иисусом, то сам Мухаммад воспрепятствовал уничтожению такового.

Еще один раздел главы IV «*Взаимодействие устной и письменной традиций в хрониках и shansons de geste Первого крестового похода*», также продолжает более ранние изыскания автора. В нем С.И. Лучицкая стремится проследить влияние устной традиции на исторические и литературные памятники времен Первого крестового похода. Интересно, что в 2001 г. исследователь вполне определенно полагал, что *shansons de geste* «давали ту модель, с помощью которой писатели артикулировали собственное видение» мира ислама [3, с. 147]. Ныне ученый, проделав кропотливую работу по сопоставлению хроник и литературных произведений, постарался отойти от традиционного взгляда на эту проблему с

точки зрения, «кто у кого переписывал». Автор полагает, что подходить под таким углом зрения к ней не следует. Ставить вопрос о плагиате, как таковом, невозможно, ввиду тесной переплетённости письменной и устной традиций, когда граница между хрониками и «жестами» была весьма зыбкой. Для реалий XI–XIII вв. невозможно современное противопоставление устного и письменного. По сути дела, те общие для песен и хроник «блоки», которые встречаются и там и там – не результат плагиата, а, скорее, свидетельство наличия, как бы мы сказали, общей матрицы для тех и других, которой являлись устно передаваемые сюжеты, которые многократно исполнялись – пелись, декламировались, в крестоносной среде, в обществе пилигримов. Отсюда они и могли заимствоваться всеми участниками этого своеобразного диалога и обмена, способствовавшего распространению идеалов и ценностей крестоносного сообщества, как внутри, так и во вне его самого.

Последняя, V глава книги «История крестовых походов в лицах», обращена к тому, что в нашей отечественной историографии по истории крестоносного движения стало приобретать популярность, особенно, в новейшую российскую эпоху – персоналиям, человеческому фактору.

В разделе первом «*Imitatio Dei в латинской хронографии XII в.: император Ираклий и крестоносцы*» автор обращается к весьма важному моменту, связанному с апокалиптическим видением крестоносной эпопеи. Речь идет о том внимании, которое оказывали христианские авторы событиям, произошедшим еще до походов, и которые, якобы, предсказывали их. В канве эсхатологического видения истории, и, прежде всего, в контексте столкновения христианского мира с «обрезанными народами», в ряде средневековых хроник VIII–XII вв. повествуется о борьбе с ними византийского императора Ираклия (VII в.). Анализируя данные произведения (а также помещенные в них миниатюры), и деяния указанного императора, как удачные (возврат Честного Креста), так и неудачные (поражения от арабов и потеря Святой земли), С. И. Лучицкая демонстрирует, что история Ираклия вписывается в историю Спасения, а сам император становится символом борьбы христиан против «неверных», вожди которых «номинаруются» христианскими авторами на роль Антихриста. Поражения Ираклия, со временем, осмысляются в христианском мире, как наказания за грехи, и в перспективе, в своем роде, открывают новый этап истории христиан – крестовые походы. Таким образом, события, связанные с деятельностью Ираклия, выступают, что весьма немаловажно для историографии крестоносного движения, в качестве отправной точки для будущего противостояния между христианским и мусульманским мирами в XI–XIII вв.

Два заключительных раздела книги прямо адресованы участникам крестовых походов. Раздел «*Стефан Шартрский. Семейный конфликт в нач. XII в.*» касается малоисследованной области – отношениям внутри семьи крестоносца. Автору удалось тонко показать переплетение психологических, социальных, религиозных и иных начал в том столкновении двух незаурядных личностей и характеров, которое произошло в одной из самых знатных семей Европы, и, как в капле воды, отразило разные стороны социоментальных составляющих крестоносного феномена. Образованный, благородный, набожный, но одновременно сентиментальный, и мы бы добавили, простодушный (чего стоит его описание действий императора Византии Алексея I, который под Никеей обвел вождей крестоносцев вокруг пальца, и большинство их «по достоинству» оценило его маневры!), граф Шартрский не был фанатиком. Вернувшись домой, он попал под уничтожительный «огонь» критики своей любимой супруги. Женица самого знатного происхождения (дочь и сестра королей Англии), честолюбивая, властная, дорожившая, прежде всего, семейной честью и престижем, Адель де Блуа, пожертвовала мужем ради поддержания соответствующего статуса и общественного мнения. Попав, наконец, в Святую землю, Стефан, изначально далекий от приобретения статуса *imitator Christi*, был, как указывает автор, 19 мая 1102 г. обезглавлен мусульманами. Мы полагаем, что графу, как это бывало с крестоносцами, попавшими в плен, предложили принять ислам. Тем, кто отказывался это сделать, отрубали голову (Жуанвиль). Но не будем забывать, что граф был очень знатен и богат, а противник был не чужд получить выкуп за таких пленников, независимо от их желания или нежелания о смене веры. Выдвинем предположение, что граф мог скрыть свое происхождение, чтобы умереть, как и все прочие «отказники». Что же касается Адели, то к ее чести, она всю оставшуюся жизнь исполняла долг перед семьей и детьми, и, покончив с мирскими делами, ушла в монастырь.

Завершает книгу раздел «*De more femineo: мезальянс Констанции, княгини Антиохии*». В нем автором дан увлекательный очерк биографии женщины, к судьбе которой уже обращались известные европейские медиевисты. При этом показательно, что о ее чувствах и внутреннем мире практически ничего не известно, и С. И. Лучицкая справедливо отталкивается от целого ряда обстоятельств, в которых оказывается героиня, чтобы попытаться представить себе ее реальные черты в том калейдоскопе событий, в центре которых находилась Констанция. Автор прав, утверждая, что последняя, в силу политических и гендерных факторов, была, фактически, заложницей ситуаций и предписанных ими ролей, сопровождавших по жизни, этот женский персонаж. И именно

данное обстоятельство, толкнуло Констанцию Отвильскую на брак с Рено Шатильонским, одной из наиболее одиозных личностей той эпохи, явившись, по существу, протестом против сети опутывавших княгиню сословных, династических, и прочих обязательств... История Констанции, как и Адели де Блуа, и ряда других фигурантов книги, в силу состояния источников, дошедших до нас от той, очень далекой эпохи, весьма показательна, как пример реконструкции конкретной человеческой личности времён крестовых походов, которая, во многом, оставляет место для загадок грядущим поколениям.

Подводя итоги, необходимо сказать, что глубокое знание материала и эпохи, понимание их особенностей, тонкий анализ сложного переплетения морально-духовных, интеллектуальных и материальных факторов, привели автора к созданию полнокровных очерков о масштабном взаимодействии таких крупных культурно-исторических ареалов, как Западная Европа и Ближний Восток, в XI–XIII вв., что крайне актуально в наше сложное время, когда отношения между

ними выходят на новый и очень нелегкий исторический виток. Труд С. И. Лучицкой, построенный на множестве источников и опирающийся на мнения целого ряда предшественников, является оригинальной попыткой представить социум времён крестоносцев: особенности яркого феномена рыцарства, нравы и менталитет людей средневековья на фоне бурных социополитических коллизий того периода, драматическое столкновение цивилизаций, противоборство идей, острая непереносимость к чужим взглядам и знаковым персонам, отчужденность, вражда, неприязненное восприятие даже иной географической среды. Автор осветил первые специфические попытки диалога представителей западнохристианского мира со сферой ислама, стремление глубже познать экзистенциальные основы мира Другого, хотя и, как ни парадоксально, с помощью ложных, даже вымышленных, стереотипов. Работа С. И. Лучицкой будет весьма полезна и ценна как историкам-профессионалам, так и всем тем, кто готов к серьезному знакомству со средневековым прошлым Запада и Востока.

Литература

1. Буассонад П. От нашествия варваров до эпохи Возрождения. Жизнь и труд в средневековой Европе. М.: Центрполиграф, 2010. 392 с.
2. Гарро А. Людовик Святой и его королевство. СПб.: Евразия, 2002. 256 с.
3. Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001. 412 с.
4. Одиссей. Человек в истории. Рыцарство: реальность и воображаемое. М.: Наука, 2004. 511 с.
5. Хилленбранд К. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива. СПб.: Дия, 2008. 672 с.
6. Мец А. Мусульманский Ренессанс. М.: ВиМ, 1996. 544 с.

References

1. Buassonad P. From the invasion of the barbarians to the Renaissance. Life and work in medieval Europe. Moscow: Centrpoligraf, 2010. 392 p. (In Russ.).
2. Garro A. Saint Louis and his kingdom. St. Petersburg: Evraziya, 2002. 256 p. (In Russ.).
3. Luchickaya S.I. The Image of the Other: Muslims in the Chronicles of the Crusades. St. Petersburg: Aletejya, 2001. 412 p. (In Russ.).
4. Odysseus. Man in history. Chivalry: Reality and Imagination. Moscow: Nauka, 2004. 511 p. (In Russ.).
5. Hillenbrand K. Crusades. View from the East: Muslim Perspective. St. Petersburg: Dilya, 2008. 672 p. (In Russ.).
6. Mec A. Muslim Renaissance. Moscow: ViM, 1996. 544 p. (In Russ.).